

АР Крым, ПГТ Раздольное, 8.08.2006

Инф.: Гривков Иван Никонорович, 1928 г.р., Казахстан.

В Крыму с 1937 года, 44-й участок

Соб.: А.Страхова, Т.Величко

Расш.: А.Страхова

Отца судили, вот. Пришлось нам сюда, а моей матери родители жили здесь, в Крыму, а фактически они все из Тихого Дона, и отцовые родители, и мои родители. Вот. А как они попали в Казахстан: в 20м году еще, по-моему, царь був. Вот царь вербував на целинные земли туда, в Казахстан, там же исключительно была степь, там жили кочующие, киргизы и казахи, больше там никакой нации не было. Юрты, я ж прекрасно знаю, потому что я в юртах и спал с ихними детьми. Вот в эту приехали, в это поле. Держали они скот, овцы, там, быки, лошадей, в общем, животноводством. От месяц пожил здесь, выпасли, поднимают свои юрты, поехали дальше за полсотни километров.

1:00

Там растянулись и живут. Они кочующие. Вот. Туда царь вербував людей на целину, ще это при царю було. Так вот мои родители, когда началась здесь вьюга, ну, революция, и завербувалися в Казахстан. Понятно! И вот там они и жили до 25го или 30го года, там. Не было тоже, а потом и там началась катавасия. И вот то таки дела. Вот. А мы выехали оттуда, я ж вам говорил, в 37м году, уже в Крым, когда отца посадили, и он сидел год под следствием, они не знали, что ему пришить. Чего они его оттуда убрали, шоб он их...

2:00

Если б он туда выехал, у Крым, он бы здесь разгласил, и эту всю шайку арестовали б, что погибли люди. И они его решили утопить. И вот, когда в 41м году война началась, объявили: «Кто желает идти на фронт, судимость снимается». Ну, он говорит: «Чего мне 10 лет сидеть? Я, - говорит, - пойду на

фронт». Все, записали, Гривков Никонор Тихонович идет. И так многим. Война окончилась в 44м году, не, в 45м она кончилась. Ну, наши земли в 44м году, а война кончилась в 45м, 9го мая. Все, он пришел домой, туда же в Казахстан. Пишет письмо нам сюда, в Крым: «Вот так и так, уже я жив, здоров (там, может, раненый был), приеду до вас, если вы не возражаете».

3:00

Мать говорит: «Ну, чего ж возражать? Пятеро детей и я буду возражать?» Пошел туда ж в управление, все, а ему и говорят: «А, Гривков Никонор Тихонович, освобожден?» - «Да». - «Но без выезда с Казахстана». Он говорит: «Как это? А за что ж я, - говорит, - два года воевал?» - «Вы воевали, Вам 10 лет было, вот, а Вам сняли полностью, а выезда Вам с Казахстана нет». А чего? Он сразу смекнул, что он же сюда приедет у Крым, и расскажет, за что он сидел. В армию... На фронт пошел и то, другое. И ему не разрешили. Понятно? Он пишет, что я не могу. Приехала его мать сюда до нас в Крым, побыла в гостях, все.

4:00

«Вот, если желаете, Никонорка говорит, чтоб ехали туда». И в 48м году мои родители все въехали туда, один я остался, не поехал. И так они были там, а потом не знаю, что получилось, шо мои родители, в каком? В 50м году, да, вернулись назад, а отец там остался. Но он долго не пожил, у него рак желудка прихватился, и он умер. Самый старший брат там жил и похоронил его там, в Казахстане. (А помните Вы свои впечатления о Крыме, как Вы приехали в Крым тогда, в 37м?) А чего ж не помню? (Расскажите, как Вы...) Прекрасно я помню, как мы приехали. Я ж вам рассказывал. Мы ж продали дом там, корову, все попродали, когда сюда ехали.

5:00

Ну, три месяца дом не продавали, сразу корову продали, хозяйство все попродали, а дом не продавали. Три месяца пробыли там, его... Суда нету. Никаких данных, они не знали, как его... Начали требовать, где он родился, где крестился, кто его родители, туда же в Тихий Дон. И вот год он под

следствием был, аж потом его судили. Ну, мы с полгода там пробыли, он говорит: «Лена, толку никакого нет, и они, суда нету. Езжай до своих родителей, пиши, и они тебя встретят». И мы въехали в Крым. Приехали в Евпаторию, нас здесь уже моей матери брат встретил, так я ж вам говорю, что там выезжали, 25 градусов было мороза, а сюда приехали, смотрим, там сеют, пашут, в Крыму в феврале месяце.

6:00

Говорят: «Вот кацапня приехала!» Мы ж у полушубках, у валенках, а вещи наши-то в багаже шли. И приехали в Крым. Вот. И поселились в деда и бабушки вот в этой деревне. Этой деревни щас нету. (А помните название деревни?) Они ж, я вам говорил, назывались по участкам: 44й, 45й, 71й. От щас есть колхоз, она деревня называется Соколы, а колхоз – «22й съезд». А еврейская деревня называлась 71й участок, и все. 12й, 18й, там по участкам. Названий деревни не было. Это уже вот после войны подавали названия деревням. То «22й съезд», то Берюлюк, Берюлюк, такие вот татарские названия были. А это уже как раз после войны дали всем:

7:00

«Колхоз 22й съезд», там, «Колхоз имени Кирова», там, «Колхоз имени Чернышевки». Понятно? А до войны этого не было. А кто это насылал этих евреев? Америка нанимала. И строила им вот эти здания, все, евреи, Америка, колония така была, и Америка строила. А чего она строила? Она хотела, шоб Крым попал им в руки. Ясно? А не получилось. Они, даже войны кончилась, после войны, еще Сталин был живой, Иосиф Виссарионович, они Сталину сказали: «Ты нам отдай Крым, мы ж тебе помогли». (Это кто они?) А? (Кто они?) Американцы. Говорит: «Мы ж помогли техникой, оружием, всем, если б мы не помогли, немец вас бы задушил». А Сталин говоре:

8:00

«Если б не мы, то вас бы немец всех выстреляв, как у нас там». Ясно? «А скажите спасибо русскому народу, что русский народ победил, и вы остались. А если б американец, чи немец зашли в Америку, всем бы вам амба

была». Вот так, так вот в этих Соколах, 90 семей в колодец. (Каких семей?) А? (Каких семей 90?) Ну, семьи. Вот скоко вас, трое, четверо в доме, вот 90 семей. (А по национальности это были русские и украинцы?) Евреи. Да, все евреи были. Это еще деревня живая и целая. (Соколы, да?) Соколы. (А в каком участке жили Ваши бабушка и дедушка?) Ну, вот я вам говорю, в 44м. (44й, да?) Да, евреи были. Наши евреи хитрее были за этих, все до единого выехали, один остался еврей.

9:00

И то там у нас деревню, она щас называется «Колхоз имени Ленина». Она называлась Берюлюк. А сельсовет, Орловский сельсовет был. (А Вы помните, как из Вашей деревни уезжали евреи? Что рассказывали? Почему они уезжали?) Наши уезжали? (Да). У 44м году война началась, и они скот иквировали, все иквидировали, и они уехали, иквидировались. Немцев тоже выслали, наши сами выслали, потому что, говорю, мать еще моя, покойница, то у нас немцев мало, где-то 5 или 6 семей было. А мать говорить: «Ну, эти выезжают, вы немцев высылаете, а кому останемся?» - «А на вас покуда приказа нет, чтоб вас высылать, русских». А евреи сами уходять из-за того, что они знали, что немец их стрелять будет. (Знали об этом?) Конечно, знали. А они все въехали, а те не выехали из-за того, они сильно богатые были, вот эти Соколы. У них сильно богатый виноградник был, сад абрикосовый богатый был, огород.

10:00

А потом у них была конеферма, называлась «Имени Ворошилова». Клементия Ворошилова знаете? Читали? (Да, конечно, имя знаем). Вот. Клементий Ворошилов, я его видел, он приезжал на эту конеферму, где лошадей выращивали, там в каждой лошади клетка была покрашена, все, каждой лошади. Это в армию брали этих же лошадей, выращивали и брали в армию. Вот этот был колхоз, богатый был, и они из-за богатства все остались, это их всех и выбили. (А у Вас в Соколах кто-то жил из родных?) А я же говорил, тетка моя жила, отож я как раз у той день у ней был. Ну, уже до

этого стреляли. У нас сосед приехал с Евпатории, и говорит: «Знаешь, Елена Андреевна, - матери моей, - я вот приехал, - говорит, - токи вчера. Ну, евреев отлички делают сразу у городах, какие-то штампы ставят и шоб было отличие, шо ты еврей».

11:00

Понятно? Знаки! И говорит: «Стреляют!» - «Да ну!» - «Да, - говорит, - через Фрайдорф...» Дорога у нас была через Фрайдорф, шас называется Новоселовск. «И вот, - говорит, - там слышал, мужики говорили, что евреев стреляют». (А не говорили, почему так евреев стреляют?) А? (А почему евреев стреляют, ничего не говорили?) Евреев почему стреляют? (Да). Кто его знает? Говорят, шо это Гитлер приказал. А почему, Гитлера... это по истории, Гитлера отец служил у еврея, еврей богатый-богатый. В Германии их тоже много було, он всех выстреляв. И вот это Гитлера отец служил, и этот хозяин, еврей, у него была дочка, заставил, шоб он женился на этой дочке.

12:00

Понятно? Нахально. И вот это родился у них вот только этот одни Адольф. И вот когда Адольф вырос, отец все это рассказал. И он решил отомстить, уничтожить, чтоб их не было. Он сразу уничтожил по своей государстве, по всех странах, у него шесть, шестнадцать государств уже завоевано до России: Бельгия, Венгрия, Чехословакия, Польша там, Румыния. Все были завоеваны до Западной Украины. И потом пошел на Россию в 41м году. Так он выстреляв всех сразу там, а в России не трогал. И уже люди знали все, шо раз война началась, значит, он придет и будет им капут. (То есть, евреи из Вашей деревни, они уже слышали, что где-то убивают, поэтому...)

13:00

А в нашей деревне все выехали, все исключительно. Кто в Евпаторию, я знаю многих, повъезжали. Сосед у меня жил, в их был сын и две дочки: Маня была, Ома и Мотыль. Я его в 54м году встретил в Евпатории. Стояли в

очереди за билетами. Смотрю, я говорю: «Вы за кем занимаете очередь?». Он говорит: «За этой женщиной». Смотрю, поворачивается – Мотыль. Он вышел на улицу, и я за ним. Он за угол стал, закуряет. А он посмотрел на меня, говорит: «Слушай, паренек, а чего ты за мной следишь, ходишь?» Я говорю: «Знаешь, что, Мотыль, потому что я знаю тебя, ты жил там, на 44му возле, рядом, возле Чумаковых».

14:00

Он: «А кто ты такой?» А я говорю: «Ты, може, фамилию мою не знав, а Чумаковых ты знал?» - «А чего ж не знав? И дедушку, и бабушку, и Федора Андреевича знав». Он 25го года был, этот Мотыль. Признался он: «Меня не Мотыль зовут, а зовут Митя». А я говорю: «А где ты щас живешь?» - «Под Евпаторией». Забыл я совхоз. Как, Сережка, называется под Евпаторией? Прибрежное или как? Совхоз? Вот он там агроном. «Если желаешь, приезжай». Я говорю: «Я девок, твоих сестер, видел, знаю, - говорю, - Маня учительница, Ома в магазине работала, отец и мать работали военторг назывался, тоже в магазине работали. Так что одного тебя, я спросил, они говорят, где-то агрономом. Ну, вот мы встретились».

15:00

Понятно? Вот это евреи. Они живы остались, они ивкуировались, они в городе жили, уехали, они где-то в 40м году в город уехали. И живы остались все. А у нас тоже все выехали. А один остался еврей, так тот в колхоз перешел Орловка, назывался Берюлюк. Он в магазине работал там. И так и остался, немцы зашли. Ну, и что ты думаешь? Вот этот хозяин, где он жил, он же весь магазин у хозяина перенес, и кто-то заявил. Приехали... Не как раз на Пасху, по-моему, ездили комендант, яйца собирать на тачанке. Ну по деревне на Пасху яйца собирали.

16:00

И кто-то шепнув, шо вот в этом доме есть еврейка, и все. он трах-бах и выехал. Приехала машина, черный ворон назывався, душегубка. У них было трое детей, я знаю, двое близнят были, или мальчик и девочка, а тот... Ну,

трое детей, это хорошо знаю. У машину их, закрыли и увезли. Через неделю мы пошли зайцев ловить, с Иванычем зайцев ловили, петли ставили, зайцев ловили, и кто-то сказав, шо это евреев укинули в колодец отам, на скале, где раньше до войны расстреливали лошадей, называлися сопат – сопатый, болезнь така, сопа. Коровы берцулез, тоже уничтожали, и лошадей.

17:00

Пошли мы туда. Правда, смотрим, он неглубокий, у колодязю лежать, повкидали. (А Вы их видели, да, лежащими?) А? (Видели их лежащими, мертвыми?) Ну, они мертвые в колодязе. Они ж их... они в душегубку кинули, газ, довели покуда туда, все, подушили, выкинули их у колодязь, повкидали и все. (Это в каком селе?) А? (Это недалеко от Вашего участка было? Где этот колодец?) Километра полтора. Это между Орловкой было и нашим 44м, граница была на сторону Орловки. Щас там ничего нету, там колхоз вот это Орловка, навозили земли, и эту всю скалу заровняли, и сеют, и пашут, все. (Да?) Да. (А там только эта еврейская семья была или еще кого-то в этот колодец?) (А?) В этом колодце только эту семью расстреляли или еще кого-то? Больше там, больше никого не было. Вот токи вот это с Орловки, вот это, что нашего, шо в магазине работал.

18:00

Больше никого там не было. Потому шо больше я не помню, и не слышал, и не знаю. У нас, я ж говорю, шо все выехали, все живы остались. Вот уже в Евпатории же, вот это и Мотыля, и Маню, и Ому, и старого, и стару, усех, в живых остались. (Ну, Вы помните эти еврейские семьи до войны еще?) А? (Помните еврейские семьи до войны? Как они жили?) Евреи? (Да). Да Бог себе. Ну, вот это по соседству жили. Огарков фамилия его была, они жили хорошо. Но они все грамотные, эти вже ходили. Мотыль ходил уже в бй класс, и в 7й, а я в 3й, по-моему. Маня тоже, Ома. Они все были грамотные.

19:00

И он еврей магазин держал у нас в деревне. Не свой собственный, а колхозный магазин. Он торговал в магазине. Мы яйца понесем, он за яйца конфетки нам давал. Ну, денег нету. Яички, а яичко стоило, наверное, 5 копеек чи... 2-3 яйца, дал полный карман конфет. А щас купишь? (Да уж). Щас купишь! Тогда ж копейки все стоило. (А Ваша мама хотела уехать во время войны, в начале войны, эвакуироваться? Ваша семья хотела?) Как ивкуироваться? (Ну, уехать?) Мы при немцах здесь были в Крыму. Мы никуда не ивкуировались. Я ж я ж говорю, только евреи, а наши русские, там 5 или 6 семей русских, все. И семей 6 немцев. Немцев раньше выслали, а потом евреи сами выехали.

20:00

И осталася наша деревня пустая, а во время войны полна деревня людей набилась приезжих, приезжие. Кто з Кубани, кто оттуда, кто оттуда, все, даже в 1м доме по 2 семьи було, некуда було уже их пхать. Понятно? А при немцах даже по 3 семьи было. Тоже немец или отступав или не знаю, а люди, знаю, шо от у нас у хате скоко було? 2 спальни, кухня, зал. У зале поселили нам, у нас и так було 2 семьи, бабушка, дедушка, одна семья, и нас шестеро. Так они в зал запустили этого, он был полицай. Он сам с Краснодара, а говорим: «А чего это Вы сюда приперлись?» А уже немец отступав в 43м году, уже наши его гнали. И эти прихвостни с ним отступали.

21:00

(Полицаи вместе с немцами отступали?) Ну, конечно! (А где он был полицаем? У вас или где-то?) Не, там вКраснодаре. (В Краснодаре?) У нас был староста и полицейский, они неплохие были мужики. Ну, все равно судили их. (Судили?) Судили. Полицейский на фронте був и староста був на фронте. Раненый був, все равно судили. А полицейского судили, но он больше в деревню нашу не приехал, там где-то в Подмосковье как он был, так там и остался. А семья его здесь осталася. (А когда они служили на фронте?) А? (Когда они служили на фронте?) Когда наши в 44м году зашли и забрали их на фронт. (На фронт?) А в 45му война кончилася, 9го мая. (И

судили их когда?) Когда? Когда пришли с фронта. Ну, я ж говорю, полицейский не пришел сюда, потому шо жена и в його трое детей, списался с ними ,все.

22:00

Он говорит: «Так и так, Вера, меня судили, дали 5 или 6 лет». И так он и остался там. Сюда он не пришел. А старосту дали три года, отсидел и пришел назад в деревню. (То есть, Вы говорите, это люди были вполне вот хорошие. То есть, они не обижали вас?) Не-не-не, они неплохие были, воны никого, никого не обижали, а судили их, може, воны де в следующей деревне шо делали, сіли. А у нашей деревне они ничего не делали. Так шо на них обижаться нечего было. (А до войны Вы их знали?) А? (А до войны Вы их знали? Кем они были до войны, эти люди?) До войны полицейский был у нас шофером, на полуторке работал. Еще он на фронте був в 39м году с Западной Украиной война была.

23:00

И он как пошел на фронт, и пришел без машины. Говорит, машину взорвали. И босоніж вернулся без машины. Ну, у нас в колхозе було две машины. Вот. А староста работал бригадиром колхоза, Лесниченко его фамилия была. Того Пелих фамилия была, полицейского, а этого Лесниченко фамилия была. Он бригадиром в колхозе работал до войны. (Он коммунистом был, не знаете?) Тогда мало коммунистов было, очень мало. Об этом мы и не имели понятия, шо такое коммунист. Это после войны дело пошло. А до войны даже и понятия не имели. Председатель колхоза у нас был, Попков фамилия, он беспартийный был. Так само и бригадир, и все. И даже понятия. Это после войны, да. Вот где-то 45й-46й год пошло. Партийный – будешь председателем.

24:00

Ты понимаешь – не понимаешь, партийный – будешь бригадиром, вот так. А ты можешь – не можешь, это потому шо ты партийный, ты поступив в партию. (А Вы не помните, какие были обязанности у старосты и

полицейского? Что они должны были делать?) Не в курсе дела. Я ж это, не интересовался. Оно нам, пацанам, не интересно было, какая ихняя обязанность была. Смотреть за порядком, да и все. Какая обязанность была в них? Шоб не было против, наверно ж, немцев заговоры там чи шо. А вот кубанцев много было, эти люди были предатели. Вот переселенцы. У меня по соседству жили, и обнаружили весной в 44м году, в 44м году в апреле месяце, кажись.

25:00

Землю ж, кто хотел, тот и пахав, и сеял, у кого чем було. Но вот эти ж кубанцы посеяли рано весной семачки, и поехали. Раньше ж не было... Чем топить? Курай гребли, соломой топили. Вот они поехали, лошади ж свои, гребка своя, шо сгребает. Это Петро й говоре дядьке Степке: «Степан, ты смотри, на нашем поле шо-то порыто». А я його всегда пистолет был с собой, в дядьки Петьки, бинокль, а он оказывается там, на, Кубани був, сотню имел, навывалася как раньше казаки, сотню, атаман був сотни. У него всегда пистолет был с собой и бинокль. Говорит: «Степан, смотри, на нашем поле шо-то порыто». Он: «Да брось ты херню пороть».

26:00

«На бинокль, смотри». Той посмотрев, посмотрев: «Та я шо-то ничего, - ну, не хотел выдавать, признаваться, - я ничего не вижу» - «Хрен с тобой, бросай грести, поехали в деревню». Приехали в деревню, він приходе до нас, они ж по соседству были, в соседней квартире они жили. Приходе до нас, а мать говоре: «Петро, а шо це ты такой расстроенный?» - «А чего ж не расстроенный? Семечки посеяли, и там хто-то шо-то порыв. И я в бинокль смотрев, там люди есть. Наверное, партизаны». Понятно? Я говорю: «Дядька Петька, та шо ты ерунду? Дай я в бинокль посмотрю!» А недалеко, вот это метров 500 от деревни, но она такая, но она такая балка глубока, туда вода йшла, и они в этой лощине как ишли, и рассвет их, день застал.

27:00

И они прикопались как раз так под бугор. Я в бинокль посмотрев, а они бадила, кураю понастриляли и не видно. Я говорю: «Дядька Петька, ничего тут не видно, я вижу токи трава, курай, и все». – «А ну дай, я посмотрю, - посмотрев, - и ото они замаскирувалися, - він каже, - я сейчас буду йти до полицейского и старосты, шоб їхали в Ак-Шеих, – сюда, в регион, назывався Ак-Шеих, - шоб вызвали немцев-солдат». И пошел мудило. А Петро... дядька Степка говорит: «Да, Елена Андреевна, там, - говорит, - партизаны. Я, - говорит, - когда ехали, и смотрел у бинокль, він мені давав.

28:00

Их, - говорит, - человек 6 или 7, но они, - говорит, - рыли окоп, окапывалися». Ну, в них лопаточки были. И он побежал в деревню, в тот, вызвал коменд... полицаю, старосту и говоре: «Под пистолетом, шо сейчас в Ак-Шеих и заявите, вывозите срочно сюда немцев, бо там, на моем поле партизаны, а я буду наблюдать». И пошел, мудило, и сидит под хатой, и в бинокль. Уже и час дня, уже и 2 часа дня, уже и три, а немцев нет и нет. Побежав він опять до полицейского, староста: «Вы шо, не поехали?» Староста говорит: «Нет, этот поехал, Пелих, полицейский. А чего я, - говорит, - поеду? Я по хозяйской части, а он, - говорит, - по военной части, полицейский, а я, - говорит, по хозяйской части».

29:00

Вот тебе к вечеру, а дело було в апреле, да, гудять машины. Смотрим, едут три машины, от крытые брезентом, и одна с пушкой, да. Те две машины проходят, а эта остается, разворачуе на окраине. Наш дом был один, два, три, четвертый дом был от края. Они на окраину выехали, машину развернули, пушку, и прямо туда направили. А эти машины с людьми, солдатами поехали. А вже оно темнеет, и тут же за деревню они выехали. Машины стали, солдаты разгрузилися, и вот цепью и пошли. Ну и пошли они, не дошли до их. Они ж уже в курсе дела были, они ж все то смотрели, шо раз машины приехали, все, значит, немцы.

30:00

И давай... И в них пулемет был ручной в немцев, установили пулемет, и слышим: та-та-та, та-та-та, прямо туда. Они говорили, уже когда они пришли, солдаты, партизаны рассказывали: «Мы видели, что дело дрянь, они нас побьют, а с пушки не стреляли, - там пушка стояла, - мы давай, шо делать – сдаваться будем, - говорит. – Надеваю шапку на автомат, и махать: сдаемся!» Ну, там же старший був фриц-пулеметчик. «Мы... Нам интересно було заметить, откуда пулемет стреляв, а то, - говорит, - все чхать. Слышим, пулемет прекратился, они поднимаются и «Ура!!!!!!», а мы как шурух! Заметили, откуда пулемет, и сразу того фрица. Вот так пеперезали.

31:00

И давай их тогда: где заворушится, и мы туда, где заворушится... Их подпустили где-то, - говорит, - метров на 100... 200 до себя». Ну, они ж у балке были, а те ж оттуда. И так они клацали, клацали, потом, шо ж делать, уже темно, берут все свое снаряжение, они шли в Черноморский регион взорвать там, называется Аблемический мост, который связанный был с Евпаторией и Черноморским. Раньше назывался он Ак-Мечеть по-татарски. Это после войны назвали Черноморск, а то он назывался до 45го года, та где 45й, до 50го года, наверное, Ак-Мечеть. Вот. Сложили все сооружение, а так постепенно стреляли, не давали подыматься.

32:00

И взорвали, отошли, шнур протянули, а сами выходят с этой балки. А татарин, полицай, я знаю, стояв у нас за домом: «Смотри, смотри, партизан сдается, - шо видно було, - партизан сдается!» А в этот момент как гугу! Взрыв, окна повывлетали. И він и ноги задрав, этот татарин упав. «Шо, сдается мы, пацаны, - говорит, - шо сдаются? Подымайся!» Да. Он, смотрим, окна повывлетали, и они вот это место моментов взрыв сделали, дымовую завесу, и ушли сразу, тут лесосмуга, и по лесосмуге. Эти, кто там жил, схватилися на то место, та токи ров и все, больше ничего там нет. Ну и шо? Поприходили немцы.

33:00

Сюда - туда, давайте ехать, собирать убитых и раненых. Всех людей собрали, да, вплоть до пацанов, идти туда. Ну, кого убитого, на бричку там ложили, кого раненый – в машину. (Это немцев, да?) Немцев, да. А наши партизаны все, один тока раненый був у плечо, когда они пришли. А немцев до хрена, они человек 20, наверное, с десятков, наверное убитых было, и раненых много было. Ну, вже они на Ак-Шеих не ехали, а вже пошли на Фрайдорф, потому шо тут уже нечего им делать они знали. Тикали уже на Фрайдорф, Фрайдофр, Евпаторию. (Немцы тикали?) Да. Они уже знали, раз партизаны здесь уже ,то где-то недалеко уже и русские. (А какой это год был?) А? (Какой это год был?)

34:00

Не понял? (Ну, вот этот случай с партизанами в каком году был?) 44м году. (Весной, да? А Вы говорили, что потом партизаны к вам пришли, то есть?) Они пришли, по-моему, уже у 45м году. 45м году, когда война кончилась. Смотрим, идуть с Орловок, со стороны Берлюка, три мужика. И прямо ж они знали, где, с какого места машины йшли. И прямо пришли до нас, до нашего дома. «Здравствуйте!» - «Здравствуйте!» Матери не было, бабушка была. «Здравствуй, бабуся!» - «Здравствуй!» - «А где, кто у Вас тут еще есть?» - «Да вот внуки есть у меня, и дочка есть, где-то дояркой уже встроилась она работать». – «А вызвить ее!» Ну, я побежав, пришов: «Мать, - говорю, - так и так, пришли какие-то три солдата». Ну, потом они вже матери говорить:

35:00

«Мы отак и так, партизаны, вот здесь были, - и то, другое. – Нас, - говорит, - было шесть человек, три погибло еще где-то в другом месте, а вот трое нас осталось». – «Так вот расскажите, как это произошло, хто тут, другое», - мама говорит. – «Так шо рассказывать, вже нету тех людей». Так они шо сделали, еще наши не зашли, вот этот Петро, кубанец, и дядька Степка. Этот дядька Степка запряг в бричку лошадей, бочку они возили, у нас вода шо-то неважная была, соленая, а следующая деревня километров

полтора, была пресная, так оттуда бочками возили, мы даже тачкой ездили и возили для стирки, мыть голову. И он его отвез Петра этого, а кто-то видел.

36:00

Ну и что ты думаешь? В 44м же году вот этого дядьку Степку ночью наши придурки через окно убили. (Дядьку Степку, да?) Да. (А он неплохой был человек?) Хороший дядька був, в його племянник ще був. А вот этот мудака. Мой брат рассказывал, в каком? В 47м году или 46м ехал в Казахстан, и у поезде встретились. «Как раз, - говорит, - на этому, на площадке, где заходить в это. Я, - говорит, - весь затрусился, дядька Петька – кубанец! Думаю, щас столкнет меня с поезда и все. Когда, - говорит, - нет. Закрыл двери и я зашел. «Слухай, Иван, а де це ехать, сюди попав?»».

37:00

А это случилось где-то под Краснодаром. «Как ты попал сюда?» А он говорит: «Еду до отца в Казахстан». – «У тебя там кушать ничего нету? Я уже целую неделю ничего не ел». – «Ну, - братуха говорит, - у меня коржик есть, я ж из дома брал, пекла мать». Это вот дал ему коржик, кусочек сала. Съел, все. «А Вы, дядька Петька, куда едете?» - «А я еду, сам не знаю куда». Потому шо ему там, на Кубани, нечего делать, его там же все равно шлепнут. Так вот, видишь, встретился братуха с ним уже в 47м году, еще живой был. Вот таки дела. (А Вы говорили, еще какой-то полицай-татарин был). А? (А что за татарин-полицай был? Был какой-то полицейский, Вы говорили. Это из Вашей деревни был?) Не понял. (Татарин-полицай был, староста, по моему.

38:00

Ну, Вы сказали, что когда партизаны дымовую завесу пустили, то татарин за Вашим домом...) Та не, татары, как татары? Не пойму я. Татаров не было там. Какие татары? Ну, староста и Пелих – полицейский. Староста Лесниченко, ну. (Не было татар, да?) У нас в деревне татар не было. Там в следующей деревне татары были, их же немец не трогал. (Не трогал?) Не, они ж за него были, татары. (Да, татары?) Татары за него были. Вот эти

партизаны рассказывали, чего. «Мы, - говорит, - могли заночевать, зашли вот в эти Соколы, где евреи, а там, - говорит, - татары. Это татары – все». – «А следующая?» - «А следующая, - говорит, - там евреи». Ну, их-то не было у нас.

39:00

И вот они заночевали, у балке их ночь застала, иначе незя было дальше идти. Вони днем окопались там дотемна, покуда вот эти кубанцы обнаружили. (А Вы не помните, у вас в деревне немцы стояли?) У нас немцев не было. (Не было? А кто был?) А шо они охоронять будут? Немцев не было у нас. Это так, приезжие были. Шо им надо, приехали, старосту вызвали, говорит: «Вот так, пан, с вашей деревни надо шесть коров сдать». Понятно? И все. Хлеб, хлеб позабирали, даже на чердаках ховали, и там, на крыше позабирали хлеб. Ну и шо коровы? Полицейский, староста собирае людей, как у колхозе, значит, на собрание, верхом объехал я по улице, объявил.

40:00

Говорю: «Вот так и так, Лесниченко вызывае на собрание». Вот немец-комендант приїхав, требуе, шоб коров, скот, мясо. Ну и шо? Все люди посходилися: «Ну, у кого будем брать? Ага, у тебя скоко семьи?» - «Двое». – «Двое, вот у тебя корову возьмем, - записали. – У тебя скоко семьи?» - «Трое, четверо». – «Нет, у ней брать не будем». И вот так пособирали. И у нас забрали. У нас было две коровы, две семьи було, все равно забрали, хоч нас було семь душ, все равно одну корову забрали, и сами мы приводили сюда в Ак-Шеих. Понятно? Я сам с матерью пригонял. (В Ак-Шеих?) Да. (Заставляли, да?) А? (Заставляли, да, вас коров вести, сгонять?) Не понял? (Заставляли вас сюда коров сгонять?) Ну конечно! Староста сказав: «Каждый свою корову отведете в заготскот в Ак-Шеих.

41:00

Там вас примут. Все, вот мы... (А кто принимал?) Тут був бригадир, я его знал, он еще полицейским здесь был, да, его судили, фамилия Ольшанский. Да, я его... Я когда сюда приехал жить, смотрю – Ольшанский.

А я потом, забыв, как его фамилия, его уже нету, я говорю: «А Вы помните, - говорю, - мы корову приводили с матерью? Я - говорю, - хорошо Вас запомнил». Він говорит: «Ты смотри, какой ты очевидец!» (О!) Вот привели мы коров все, а в Ак-Шеиху он коров, немец, не брав. Вишь, какой хитер! Хоче показать, что блюстителю он же! Понятно? Комендатура тут, все, армия стояла. (В Ак-Шеихе?) В Ак-Шеихе. А з деревень забирав. Привели мы сюда в заготскот.

42:00

Ольшанский отвязуе и заводе. А та привела свою корову в Ак-Шеих: «Тетенька, хороша Ваша корова?» Мать говорит: «Если б плохая, я бы не привела, заставили, ты ж видишь». – «Скоко она дает?» Я говорю: «Литров 25, а то и 30 молока дает корова». Коровы хороши были. «А шо, если я, - говорю, - свою корову на место Вашей, а Вашу заберу?» А мать говорит: «Это спрашивай вот этого мужика, бригадир он чи кто он тут». Ольшанский говоре: «Дело хозяйское, пускай свою корову, а эту корову бери». Это говорит: «Тетенька, може, Вам какую взятку дать?» Там платье, платки раньше модные были, вязанные белые с кистями. Мать говорит: «Не, - говорю, - подруга, ничего мне не надо. Меня, - говорю, - заставили, я привела».

43:00

Ну, она забрала нашу корову и пошла. Так от нас шесть человек привело, трое сдали, ничего не брали, а трое взятки. Знаю, Вещинская фамилия, взяла вязанный платок и пиджак, по-моему, костюм взяла. Друга взяла тоже самое, трое взятки взяли. Когда наши зашли в 44м году... Вот тут называется деревня Бекетан, она молочная щас называется, через бугор и наша деревня. И вот, когда они погнали пасть коров, пригоняют вечером домой, а ты спрашиваешь: «Где моя корова?» А пастух говоре: «А через бугор и на 44й ушла. Откуда, - говорю, - наверное, она оттуда». Понятно?

44:00

(Сама пошла корова?) Да. (К дому?) Ну, коровы та уже пожилые, и пасли рядом там. Она за десяток километров прийдет сама. Вот, хорошо. Приходят это женщины за коровами. Ну, кто взятки взяв. Ну, никто не дав корову. Вот до суда, подали на суд эти же, раздольненцы. Повызывали, и я ж там был, и мать была, ну все, кто коров поодавал. Так вот суд спрашивает: «Гривкова, Вы взятку брали?» - «Не». - «Гривкова, Вас хто заставил?» - «Немец заставил». - «Вы сами привели?» Она говорит: «Да, вот из сыном». - «Вы какую-нибудь взятку брали за корову?» Мать говорит: «Нет, ничего не брала».

45:00

«Ваша корова остается в вас. А Вы сами немцу привели, вот идите у немца и берите, а их, - говорит, - нахально заставили». Понятно? Ну, мать не взяла. Когда кинулась, она привела, а в ней семь душ детей. Мать говорит: «Из-за детей, нет, не буду я брать. Если она желает, - говорит, - пусть мне телка, если она приведет телка, дасть». Вот так. Вот этих всех троих, которые никто не брал... А те женщины забрали коров дома, а те, шо взятку брали, так коровы и остались в Раздольному. Судя и говоре: «Вы взяли взятку, значит, Вы предали. Вот и все. Корова остается ихня. А вот кто, - говорит, - не брал взятки, те коровы остались дома».

46:00

Вот таки дела. (А вот этот Ольшанский, что он за человек был? Что о нем люди говорили?) Он полицейский был здесь. (А как человек?) А Бог его знае. При мне... Я пришел сюда, в Раздольное, он токи с тюрьмы пришел, ему 10 лет давали, судили. А так мужик хороший був. А шо він тут делав, Бог его знает, не буду говорить это, не. (А он же, получается, после того, как он отсидел, он пришел сюда снова в Раздольное, и как его люди принимали, ведь он столько?..) Так не только он один, тут еще полицейский был, его судили, в сельхозтехнике работал. Тоже работал, устроился шофером, работал. Староста здесь был, один и другой. И так люди и жили. (И уже

потом люди...) Но плохого, наверное, ничего не делали, люди ничего такого не тот. Так шо, я говорю, плохого ничего не делали.

47:00

Вот этот, забыл его фамилию, он шофером работал. А Ольшанский, по моему, в последнее время или на заправке работал или сторожем. У него тут два сына було, но уже никого нет: ни сынов, ни их, никого нет. Уже пусто. Вообще у Раздольному старых людей, которые, я приехав в 53м году сюда жить, никого нет абсолютно. Ото где-то там, на краю живеть Белогур, тильки то он не раздольненский, он совхоз Чернышевский, и еще один Музыка, деревня называлася Тельман, тоже оттуда, а так раздольненских я, шо старики были, все уже ушли. Мое поколение и то уже ушло. (А полицаи, они добровольно становились вот полицаями, старостами, или их насильно немцы заставляли?) Нет.

48:00

Нет, это мы на собрании были, заставляли. (А помните, как это было?) Ну, чего ж я не помню?! (Расскажите). Собрали собрание людей, комендант говоре. Вот так. Сразу они предлагали людям: «Вот хто з вас хоче, кого, вот нам надо хозяйственного мужика по хозяйской части старосту, и по военной части полицейского. Кого вы пожелаете? Если не будете вы, мы тогда будем назначать сами». А люди все молчат. На тебя скажи, а потом в случае чего будешь обижаться. «Голов выбирайте вы сами». Ну и шо? «Вот он и, ага...» Ну, они еще смотрели по данным, наверное, по каким-то. Хто твои родители были раньше, може. Понятно? Они все-таки выбирали. «Вот, - говорит, - Лесниченко, - только через переводчика, - будет старостой по хозяйской части.

49:00

Полицейский, Григорий будет полицейским, Пелих фамилия, будет полицейским». От нашей стороны. И все, до свиданья. Вот так. Они назначали сами. Люди не хотели говорить, то шо там что-то, потом скажите, вы же нас толкнули. А переводчик говорить: «Пусть сами они назначают,

кого хотять». Все, вот они кинулися там, наверное ж, по документам они ж подобрали. «Раз вы не желаете, значит, мы». Ну, я знаю, что Пелих был из богатой семьи, Лесниченко тоже, богатые семьи были. Они здесь, крымские были. Вот они их и назначили. А таких нет. (А судили все равно всех одинаково, да?) А?

50:00

(А были такие что, может быть, Вы слышали, из каких других деревень, что хотели быть старостами, полицейскими? Сами люди добровольно, были такие?) Не знаю, не, не знаю, не буду говорить, не знаю. В нашей деревне, я ж говорю, шо приехали и назначили они сами. Они предложили, люди молчать. «Ну, раз молчите, мы тогда сами будем, раз они не хотят». Потому шо люди не хотели неприятности на себя брать, и все. (А скажите Вы, здесь немцы или румыны были в Ак-Шеихе?) А? (Немцы или румыны здесь были?) Тут их було полно, скоко у него було государств, шестнадцать, от это и бельгийцы, и латыши, и венгеры, хто токи их не было. В нього шестнадцать государств було. И все ж, если не на Россию – под его автомат. (А здесь была комендатура, Вы сказали, в Ак-Шеихе?)

51:00

Да. (А войска здесь стояли немецкие?) Ну, конечно, стояли. Раз комендатура была, и войска были. (Не помните, как эти солдаты выглядели? Как они были одеты?) А? (Какая форма была у немецких солдат, не помните?) Обыкновенная форма, как в солдата, токи шо орел на рукаве и на кокарде орел. (Орел, да?) У нас же звезда, а у них орлы. (А где они были расквартированы, немцы?) А? (Где расквартированы немцы были? Где жили немцы?) Шо не выслати немцы были или как? (Не, вот эти гитлеровцы, которые пришли, оккупанты?) Немцы? (Где они жили?) Жили? В домах жили, где? Солдаты вот пришли и выбрали: «Вот этот дом». Выгнали к монахам и казарму сделали.

52:00

Ясно? Вот как они жили. Вот этот поселок, Раздольное, была немецкая деревня, исключительно немецкая. Она называлась Ак-Шеих. А там следующая деревня была, татарский Ак-Шеих называлась, а это немецкий. Очень красивая была деревня. Розы кругом, красота была, сирень. (А Вы не помните свою первую встречу с оккупантами? Как они выглядели? Помните, как пришли немцы?) Ну, как немцы... (Ну, как война началась?) Ну, как вам сказать, как они пришли. Обыкновенно. (Знали уже жители, что придут немцы в село?) Откуда мы знали, шо они придут сегодня или завтра.

53:00

Мы знали, шо немец уже зашел, а чи придут они в село? Потом смотрим, уже немцы были, но мы их не видели. Это дело было, по-моему... Они зашли в апреле, а до нас в деревню в ноябре, как раз перед октябрьской. Смотрим, едут велосипеды. В них ни один солдат пешком не ходил, хоть на велосипедах, но ездили. Их человек семь или восемь на велосипедах приехали, а мы как раз колхозный двор коло конюшни шо-то пособиралися. Остановились они, остановилися, смотрим, один немец велосипед поставил, другой, отак поставили и несут колышки, колышки, молоток и забивают.

54:00

Мы думали, для чего это они колышки забивают? Забил колышек, а тогда потом посмотрел, посмотрел, еще один колышек забил, все. А это указать путь, когда армия будет идти, штоб куда идти, в сторону Черноморск, до моря. Раньше асфальтированных дорог не было, простые дороги, грязь, да, и все по колено. Колушки позабивали, от тебе бабка выбегает рядом с хлебом, солью. Да. Я как сейчас знаю, Яременко фамилия, встречала их. Они ее поблагодарили, все, забрали той хлеб, соль там чи сало, шо вона дала. Хлопцы как поднялись, коли они поїхали: «Ах ты, бабка старая, сука, шо ты, - говорит, - немцев?». А она говорит: «Такой закон, встречать надо с хлебом и солью».

55:00

Да. (Закон?) Ага. «Вот, берить!» Токи эти немцы въехали в Орловку, через несколько, там, два километра от нашей деревни, чи два с половиной. Едут назад они. Едут, смотрим, на велосипеде у одного фрица знамья. А на школе у нас знамья Ленина, отак скручене и на багажнике привязано. Я говорю: «Вот фрицы, зняли знамья». И въехали. Это шоб було видно. От тебе уже начало темнеть, гудять танки, шуруют машины. И вот это ж на эти колышки. А с хлопцев хто-то взяв, да возьми колышек и повернув. Они едут, стрела и полный вперед. И приехали все туда, все туда, и туда, и туда.

56:00

Уже совсем темно. Они приехали, вперлися в море. Понятно? Да, там, тут деревня Кукум, а там от Кукума огни, километров шесть, може, до моря. И они уперлися в море. Куда? Море! Вот это да! Давай своих, этих же, ругать, наверно. Шо ж они наделали! И шо ты думаешь? Они развернули и назад. Слышим, гудят, по винограднику, у нас виноградник богатый был. Танки роят-то. Крик! Фрицы повылазили з машин, кричать, ругаются. И так остановились, заглохли до дня. А днем потом выяснили, шо к чему.

57:00

Ну, связались по рации, наверно, оттуда приехали эти ж фрицы, которые колышки забивали, и они пошуровали сюда на Орловку, Березовка и на Ак-Мечеть. Вот так немцев я видел. (А страшно было?) Ну, конечно, страшно было! Фашист есть фашист. Они ж как звери. Отак на... Особенно эсесовцы, в них железный крест отак на грудях прямо металлический, бронзовый. Таки кресты. Да, орел прямо отак на груди. (Они тоже были, да?) Они были токи по назначению, когда где-то шо-то, они выезжают. Все, раз они забрали, то уже считайте, тебя нет. (А кого они забирали?) Ну, если кого подозревали, заявили.

58:00

Понятно? Все, забирают и все, шо уже назад он не вернется. Гестап назывался. (А вот эту еврейскую семью, которую у вас выдали, не помните, как выглядели те, кто их арестовывали?) Не понял? (Как одеты были те, кто

приехали за еврейской семьей?) А, вот эти евреи? (Да). Ну, детки как детки были. Их же... они где-то во второй класс ходили, шо те близнята, и третий. Их трое было, я ж вам, двое – девочка и мальчик, вроде тот. Трое детей было. (А кто за ними приехал?) Куда? (Ну, когда их газом убили?) Я ж тебе говорю, комендант ездил, собирал яички на Пасху, и кто-то сказал, шо вот в этом доме еврей есть, он работал в магазине, еврей есть и все.

59:00

Он вызвал машину. Я ж говорю, машина проехала, в машину повкидали, она газом, душегубка, туда газ. И все. Довезли, открыли, выкинули их, вони готови. (А расскажите нам, как Вы видели расстрел?) А? (Расскажите, а вот как Вы видели расстрел в Соколах евреев?) Ну, как я? Я ж вам рассказывал, как видел. (Поподробнее). Когда их собрали, это ж стали гнать, а татарин говоре, шо это их стрелять будут. А тетка говоре: «А говорят, шо в Фрайдорфе будут отличие делать, как у городах поделали отличие». Понятно? Сразу в городах не стреляли, а отличие делали. Штамп який-то ставили крестный, или звезда или крест красный, а потом начали стрелять.

1:00:00

Сразу в деревнях выстреляли, а потом в городах. Потому в городе не так людей-то много. (А как находили евреев? По каким-то наводкам или как определяли, что этот человек-еврей?) Ну, значит, они знали уже. Просто заходили в еврейской деревне, все заходят у хату, и все. А так фактически русских почти и не было, може, одна или две-три семьи. Вот моя тетка жила, рядом один татарин, второй татарин жив, а с той стороны вже еврей жив. (А тетя Вам не рассказывала, что, может быть, кому-то из евреев удалось спастись, выжить после?..) Я ж говорю, два пацана сбежали, я ж вам рассказывал. У нашей деревне скирда недалеко сена було. А татарская деревня рядом с этими же Соколами, с Аманшой. Татары, видно, сказали, шо два пацана видели, им год по 14, таки ростом, как и я був. Бежали. Куда? Туда, в 44й. Они приехали, скирда, сразу же две машины легковых, а все видно було на улице. Смотрю, немец на скирду.

1:01:00

Мы смотрим, соседские пацаны, смотрим на скирду немец полез. Пацан один скочив и тикать, а этот, шо на земле фриц, с автомата сразу раз его, а того застрелили прямо на скирде пацана. И вот когда они въехали, нет, они приехали в деревню и сказали старосте, шоб это юда закопав, послав людей, шоб закопали. Так на второй день послав двух мужиков, они в бричку вкинули, и там где-то прикопали. (А где, неизвестно?) А хто знает? Не знаю я это. Нас не интересовало это. А этих я ж говорю, шо я, когда ото началось, собрали они их, и татарин говорил, шо их будут стрелять, они у Фрайдорфи их. Фрайдорф это сейчас Новоселовск деревня, а тогда регион был.

1:02:00

Говорит, их стрелять будут. Ну, вот они погнали, я вылез на сарай, смотрю, они завернули их, а с правой стороны край деревни был метров сто колодец. Вот это раньше лошади качали воду барабанами, ну, там уже воду не качали, они в другом месте. У них была насосна скважина, качали. Она богата вообще деревня была, а ту воду они не качали. Вылез я на крышу и смотрю, там еще штук три или четыре машины стоять легковых. А эти повернули и гонять их по дороге, а там фрицы как повылазили, их десятка два, наверное, и все, и тут же сразу до колодязя, повернули и погнали до колодязя, и начали стрелять. Я с сарая слез, тетке говорю:

1:03:00

«Слышите, стреляют!» И тикать домой. Это хорошо, шо так пришлось, шо я тут, а то було б то саме, шо евреям. Немцы могли поймать и застрелить. Там бы они не спрашивали, чи ты русский, чи хто. (А сколько примерно евреев повели? Ну, количество людей?) Там написано 90 с чем-то человек, там памятник стоит такой каменный, да? (Спрашивает у сына – А.С.) 90 с чем-то. (Это в Соколах, да, памятник?) Да, 90 с чем-то человек. (А что там написано на этом памятнике?) Я даже уже... (Ну, там написано евреи или как-то по-другому? Вот знали, что евреи?) По-моему... я не буду брехать, потому шо, я не помню. Не буду врать даже. Я знаю, памятник стоит, и все.

(Когда этот памятник поставили?) Ну, не знаю, кто его ставил. (После войны или сейчас?) Ну, не знаю, кто-то после войны поставил. (Или недавно?) Я туда навоз возил, навозом забросали, колодязь забили, и все. Понятно?

1:04:00

(Сразу?) Это уже после войны поставили памятник. Ну, наверно ж, евреи поставили, а кто ж? (А навозом сразу забросали или уже потом?) Нет, потом. (Потом?) Потом, да. Староста заставил людей, и это возили туда и засыпали. А деревню заслали исключительно после кубанцы. Когда немец уже назад отступав, в 43м году, то полностью село забито было переселенцами. А так деревня пуста була, там почти русских не было. Вот это тетка моя была, семьи три-четыре було. Этот полицейский был, Коля, Коля, Коля, Коля...

1:05:00

Его нету, забыл фамилию. И еще один сосед у нас жил, не сосед, а в доме жил дядька Ленька Бохута фамилия, у него была жена еврейка, учительница. Так вот когда их выстреляли, его забрали, и тоже в их було трое детей. Его забрали у Фрайдорф из женой, это уже он рассказывал. Ну, тетка, она знала, шо забрали, говорила, говорит: «В дядьки Леньки Бохута забрали». Я говорю: «Шо, тоже застрелили?» - «Не, забрали у Фрайдорф, так как он русский, а она еврейка». Она учительница была. Вот забрали его в комендатуру, и его вызывают. Немец дае ему пистолет, открывает двери – дети и жена, говорит: «Стреляй, это юда!»

1:06:00

А он говорит: «Нет, стреляйте в меня, это мои дети, - говорит, - я стрелять не буду». – «Ну, не хочешь – не надо». Убрали, и так він людей спрашивал, шо, где они их дели, куда бросили, закопали, хотел же все-таки памятник или шо, и не нашел. А он жив остался. (А их всех убили, да?) А? (А их всех убили?) А их они постреляли где-то. (И детей?) Да, детей и ее застрелили. Они ж давали пистолет, шоб постреляв, а он сказал, шо: «Я стрелять не буду. Все, стреляйте меня, это мои дети». Ну, и они его выпустили. (И не делали вот скидку на то, что это дети от смешанного брака,

что это не совсем евреи?) А? (Не делали вот немцы скидку на то, что это дети от смешанного брака?) Не, это их не...

1:07:00

Мой дядька, вот этой тети Нади, тоже немцы пришли, забрали, и по этот день и тетка не знает, куда их дели. Застрелили! А чего? Он был коммунист. А чего коммунист был? В Ак-Шеиху он работал главным инспектором райотдела какого-то, я... Но знаю, шо инспектором был. Все. Тетка пришла, плаче. «Шо такое?» - «Максима Захаровича немцы забрали!» И по этот день ни слуху ни единого. Застрелили, где-то вкинули и все. Вот так. Так вот сейчас тоже пришло к власти, неизвестно, как вы доживете. Хорошего не видно. Не, абсолютно.

1:08:00

Все, дело пахнет керосином. (А Вы помните, как вернулась красная армия, и немцы ушли?) А чё ж не помню?! (Расскажите). Хо! Свободно! Слышим, машина едет, песни, солдаты танцуют на машине с гармошкой, поют. Одна за одну. Понятно? А потом уже танки пошли. (А немцев уже не было здесь?) Не. (Бои были у вас?) А? (Бои были у вас?) Нет, не было. Какие бои? Немец уже все. Это вже армия ишла как вроде трудовая. Понятно? А которая передовая, та ушла. В Севастополе они там еще трошки, немцы, продержались, а здесь... Я ж говорю, шо вот эти, которые у нас партизан стреляли, они уже на Ак-Шеих не поехали, а поехали на Фрайдорф. А Фрайдорф отсюда – 40 километров, оно ближе к Евпатории. Уже тикали, потому шо через переводчика говорить:

1:09:00

«Уже сюда возвращаться нечего, там Армянск уже, красные». Понятно? Армянск за Красноперекопом. Переводчица говорить, шо там уже Армянск. Так шо уже туда нечего ехать, они поехали уже на Фрайдорф, Евпаторию, туда. (А как красную армию встречали?) А? (Как красную армию встречали?) Ну, как, ядрена мать! Как? У кого шо було. С бутылками и с хлебом, солью. А нашим мужикам токи подай! (Ну, радовались?) А? (Радовались?) Ну,

конечно, рады! Ну, как же так не рады? Освободить прямо от них, от пекла такого, фашиста! Конечно, радые были! Ну, сейчас не радые. (Чего?) А чему радоваться? (А Вы помните, как татар из Крыма выселяли?)

1:10:00

А? (Как татар из Крыма выселяли, помните?) Не поняв? (Как татар из Крыма выселяли?) Стреляли? (Выселяли татар!) Выселяли! А в 44м году, еще война была. (Помните?) Да. Вояки, я был там, нас председатель колхоза туда послал, подростков всех. Мне вже было 16 лет, 15-16. Забирали хозяйство ихне, лошадей, там шо. Все, сказали, в колхоз. Приехав офицер на легковой машине: «Где председатель вашего колхоза? Бригадир, сюда! Вот татарская Аманша, будем татар высылать, шоб вы все забрали оттуда хозяйство. Понятно? Организуйте людей!» И это нас туда послали. Мы приехали туда, они вже все татары были... Колхозный двор, конюшня, уже кучей, и солдаты с автоматами.

1:11:00

И тут машина подъезжае, грузять их, и поехали. Дали... Чё им позволяли брать? Ну, шо на тебе одето, шо в руки взяла, и все, и крышка, больше ничего они не брали. Все, погрузили их, пошли по хатам, проверили, нигде не заховался, нигде ничего, все. А мы хозяйство, лошадей, там, коров, все, все в колхоз перегнали, перевезли. Заходим, корова лежит, сдохла, тот хлопец побежав, Марченко, знаю, Сергей. Лошадь сдохла, потравили. А отпрашивалися они: «Пойду воду попью, там, чи шо возьму». Отпускали, покуда еще не погрузили их. И отравила, та корову отравила, тот лошадь отравил. (Сами татары травили?)

1:12:00

Сами татары, а хто ж? (Чтоб никому не досталось, да?) Да, сами потравили. Это было. (А почему их выселили?) А потому, шо они предали. У их же на южном берегу специально був конц... этот, стребительный батальон. Я от ездил, эээ, как это, на экскурсию, и нам показывали, где рвы, окопы, и скоко наших людей, даже дети, руки колючими проволокой из

батьком и матерью связаны, и вкинути, не засыпани. От шо татары делали, видишь? (А когда Вы на эту экскурсию ездили?) Да где-то это в 50х годах или... не знаю, мать, в этих годах ехав. А?

С.И. Памятник стоит.

И.Н. Да, кости, кости все, так и не засыпано було. (То есть, татары сотрудничали с немцами, помогали немцам татары?) А?

1:13:00

(Татары, получается, сотрудничали с немцами, помогали немцам?) Конечно! Это давно было известно. Они ж усё настаивали, шоб Крым была Автономная Республика Крымска, шоб вообще русских не было, ни русских, ни евреев, никого. Шоб токи була автономия. Они и сейчас настаивают, и этот мудака согласился. Как его? Президент! Ну, шо-то замовк. Они ж голосовали исключительно за его, все татары, гурьбой. Он им дал слово, шо я сделаю, если буду президентом, Автономную Республику Крым. Ну, их же совсем мало! Их де-то насчитывается 200 тысяч всего сейчас, а русских – миллионы! Так как же так? (Да, а евреи вернулись после войны из эвакуации в вашу деревню?) Вернулись.

1:14:00

Семей несколько вернулось. Ну, тоже уже их нету. У нас даже одна семья здесь жила, в Раздольному. Гершман фамилия была его. Гершман, да, Гершман. Кирилловська вернулась, Довгопятый вернулся. Да где-то половина вернулась. А я став спрашивать: «А где же остальные?» Я ж их всех знал. Говорит: «Нас на Кубани, чи на Краснодаре, немец перерезал. Когда немец ишов, и перерезал. Которые остались на русской стороне, те остались живы, дальше поехали. А которые немец захватив, постреляв». Я спрашивал, где те, их же около 50 семей было, а приехало семей 10-15, може. Говорит, в Краснодаре немец постреляв. (А как они пережили эвакуацию, они рассказывали, где они были?)

1:15:00

В Средней Азии были. Все они были в Средней Азии. Так, как татар выслали в Среднюю Азию. Их надо было к чертовой матери выслать где-то в Магадан, в Сибирь. А их в теплый край! Да. Их надо было туда выслать, а их выслали, ядрена мать, в теплый край. (А вот, когда евреи вернулись, их имущество, дома возвращали им или нет, евреям после войны?) Ничего не возвращал никто, потому что это было все государственное. Они зашли и жили, которые приехали. И жили, а имущество никто ничего никого не возмещал. А дома... (А в дома вернулись?) В дома приходили и жили, кто жил, того выгнали, говорил: «Я жил здесь». (А, выгоняли, да?) Да. (Вы ж говорили, там кубанцы жили, да?) Да.

1:16:00

(А приехали евреи, и что?) Евреи и все. Он зашел, а этих – к монахам. Езжай на Кубань! (Да? Ну, люди не ссорились, не дрались из-за этого?) Не, ничего не было, этого ничего никакого не было. А собственности не было. Это все было, дома – государственное. Мать моя дом вот этот уже выкупила после войны. Понятно? Где-то в 50х-52х годах выкупила дом. А так она жила, он был государственный. Для их строила Америка, я ж вам говорю, вот эти дома. Сады садила, виноградники, водопроводы, вот это все делала Америка. Но Америка думала, шо Крым отдадут им, а им Крым не дали. И вот на этому и все замовкло. Они даже после войны хотели, шоб все-таки Крым отдали, а Сталин сказав, говорит: «Нет,

1:17:00

Крым, - говорит, - мы вам не дадим. Вдобавок, - говорит, - национальность, там много людей. Там и армяне, там, - говорит, - немцы, и болгары, кто там токи, - говорит, - не живеть у Крыму. И токи для вас, - говорит, - нет. Вы делали, мы вам разрешили, так вы своим людям строили. Мы ж это вам разрешили, тому шо здесь степь была. Пожалуйста, стройте, населяйте, пусть люди живут». Раньше поселки были, самый большое расстояние это 2-3 километра, а щас можешь, 20 километров село от села. Все поразломали, особенно татарски деревни, все исчезли, ни одной. Их же,

вони такие халупы с камня, их порастащили на фундаменты, на дома. В них мазанки были.

1:18:00

А еврейские дома были все вот такие вот, под черепицей такие, красна черепица. (А из чего еврейские дома были? Из камня?) С камня. (А камня какого? Где камень брали?) А кто его знает? Пилили, наверно. Американцы, я ж говорю, снабжали, и черепицей крыто все було. Все. Вот у нас дом, три сарая було больших, все крытые были черепицей. (А Вы тоже жили в еврейской постройке?) А? (Вы тоже в еврейском доме жили?) Я ж тебе говорю, 44й участок. Ну, его там нету. Там осталось один колодец и три стовба, где качали воду, и все. Може, кошара там еще есть. (Осталась, да? Это то, что осталось?) А? (То, что осталось от Вашей деревни, да?) Да. И вот этот же, Дивное называлось она. Сережка говорит, шо там шо-то еще есть, я, вроде, думаю, ничего нет. Соколы, так я знаю, шо полностью целое. (Целое, да?)

1:19:00

Да. «22й съезд» называется колхоз. (А как до войны Соколы назывались?) 71й участок. Понятно? 71й, вот колхоз ихний был, 75й участок, щас Центральна, в их Серебрянка называется село. А сам колхоз – «22й съезд». 75й участок був. Даже 12й участок був. По участках оно було, и названия деревень я не помню. Вот наш колхоз, я ж говорю, може, по-еврейски, як они называли, хто его. Я знаю, шо участок. (А вот вспомните, когда Вы видели в Соколах расстрел евреев, люди в одежде были? Евреи одеты были?) Ну, конечно, полностью одети. Даже в руках там у кого дитя, брали, у кого сумку брали. А так больше ничего им не разрешали.

1:20:00

Вот, шо у руки там узяла, и все. (А люди с сумками шли, да?) Да, в кого сумка... (Они знали, что их расстреливают?) Та, наверное ж, люди уже чувствовали. Як ты думаешь? Уже разговор ишов. А детей кидали, говорят, под нос чем-то мазали, кто-то там уже, я не буду говорить, и кидали. (Это

Вам рассказывали?) Малюток. Да, а это уже там рассказывали. И кидали в колодец. У матери забрали и у колодец. Вот где идиоты! Малятки! Детей! Все-таки сто человек! Это так приблизительно говорят, сто, а там, може, больше. (Да, а то, что осталось от евреев имущество, дома, в домах что-то, куда дели?) Ну, наверно ж, осталось там, хто хозяин там був, так и осталось. Как от у нас у деревне, так оно и осталось, переселенцев понасылали, так ото и жили. Так и так. Хто ж его брав?

1:21:00

Оно никому не нужно було, никто не брав. Шо у хаті було, то и... Это токи уже, вот, когда татар. Татар имущество забрали, и скот, и коров, все, все позабирали, потому шо после войны, это, приказали колхозам все забрать. А дома развалили. Там три хозяина жило русских, они перешли в нашу деревню, потому шо там нечего уже делать было. Татарской деревни ни одной нету. Вот это на мою память, вот это Рылеевка осталася на весь регион, наверное, больше нигде нет, и то там татарских домов нету. Там уже исключительно эти, да, а татарских нет. А деревня осталася, название Корчага. (Корчага?) Да, а сейчас называют Рылеевка.

1:22:00

(Рылеевка, интересно). Да, жил там. Она относилась к Черноморскому региону, совхоз «Каракуль» был. А совхоз «Каракуль» был, сейчас называется деревня Далекое. Автобус ходит в Далекое от нашей Рылеевки этой, 18 километров наша Центральна была. А сама Рылеевка относилася к Ак-Шеиху деревня, а совхоз – к Черноморскому региону относился. Вот наша Центральна была 18 километров, щас называется Далекое. Шо він говоре? (А вообще, как люди относились к тому, что убивали евреев? Как относили русские к этому?) Русские? (Да). Ну, как? Знаешь, жалко було людей, это все-таки люди. А шо ты будешь делать? Може, завтра прийдуть и тебя убьють, ты ж не знаешь! Конечно, жалко было, все-таки люди, не звери.

1:23:00

Вот, например, вот эти Огарковы жили, я с ними в школу ходил, они очень приятные. Я давал, бывало до них приду, они никогда не выпустят из хаты, если тебя... Они любители чай, евреи, да. Утром завтракают: чай, селедочка, да. Это обязательно. Так они всегда: «Ванюша, Ванюша, пожалуйста, садись с нашими детьми, позавтракаем». – «Да, я не хочу». – «Нет, садись». Они гостеприимные были. (Так это до войны ходили в школу с ними?) Да. (А школа на каком языке была?) На русском. (На русском?) Ну, школа-то в русской деревне была. (А в Вашем участке не было?) Не было школы. Наши евреи ходили в Соколы. В Соколах была школа. (Еврейская?) Да. (Да?) Еврейска и русска. (А они ходили в еврейскую, да?) Да.

1:24:00

А в нашей деревне уже после войны была школа, а до войны не было. А мы ходили в Орловку. (В русскую?) В русскую. И они ходили уже повы... Тут до четвертых классов еврейска школа была. Все. Ясно? А свыше четырех они ходили сюда, где и мы ходили в Орловку. Вот Мотыль, Маня, Ома ходили они вже в пятый, шестой, седьмой, они уже ходили сюда. А до четвертых классов они ходили в Соколы. (А в Соколах на каком языке обучение было, не знаете?) Ну, она была еврейский и русский преподавали. Може, еще какой, немецкий, может быть, вже не буду говорить. Но знаю, шо еврейский был, и они ходили. (А на вашем участке до войны евреи разговаривали на каких языках?) Между собой, ну, на своем. (На своем?) Ну, конечно. Если с тобой, ты русский, значит, она по-русски для тебя. А так они между собой джяр-джяр-джяр. (А Вы не понимали?)

1:25:00

Нет, я не интересовался даже, не. У них язык сходит с немецким. (Сходит?) Да, где-то 50 процентов. (А как они жили, Вы помните, вот быт их?) А? (Как они жили, Вы помните? Евреи? Праздники какие-то праздновали свои?) У них были. Пасха у них за неделю или две раньше. Мацу пекли они и нам раздавали, но мы их не ели. Бабка говорит: «Не ешьте!» Говорим: «А чего?» - «Это маца с нашей крови они печуть». – «Как,

бабушка, с нашей крови?» - «А еще в старое время евреи перед Паской старались упоймать русского человека. Так, заводят его в хату, высыпают муку, мешок, садовлють этого русского мужика, напоют там, чи я знаю, и ножами його, - говорит, - всего исштыряют, шоб кровью стек. И вот это муку берут». Правда - нет.

1:26:00

Это же ж бабушка рассказывала так. И нам воно ишло, и вот это мацей. А лепешка обыкновенная, простая. Ни соленая, ни где ничего, мы так пробовали, скрывались от бабушки. (От бабушки скрывались?) Да, попробовать. А она как бурьян, оно ж ни соли там, ни... Ну, пресная, ну, такая тонка – тонка. Наши русские пекли, качали им. Они нанимали. (Да?) Да. Вот моя мать, потом тут еще Горнячка была, Пеничучка. Вот, из женщин. Йшли и там пекли им, и они потом забирали. И ото угощали мацу. Так вот, бабушка рассказывала, шо ни с коем случае не ешьте. За неделю или за две у них Паска раньше нашей Паски. И вот они стараются, шоб своей паской угостить русского эти евреи.

1:27:00

(Старались даже угостить?) А? (Старались?) Да, они интересовались, шоб ты покушал, вот. И смеются: «Это, - говорит, - свою кровь едят». А было правда – нет, это сотни тысяч лет, может, прошло. Кто его знает? А оно с предков так ишло – ишло. (А еще какие-то были у них праздники, что-то у них такое было? Или особые дни?) А? (Дни особые?) Не поняв? (Ну, вот какие-то дни они праздновали?) Праздновали. (Какие?) Да, Бог их знает, я не интересовался. Они нас не приглашали. А вот это мацу, это я знаю, шо у них Паска была еврейска, и все. А так не интересовался я, не особенно. А нам пацанам, нам не дуже и надо было. А мацу это я прекрасно знаю, потому шо наши матери пекли, а бабушка покойна говорила, материна мать:

1:28:00

«Не вздумайте кушать». Это говорит, мать моя говоре: «Да брось ты, бабушка, ерунду пороть, это когда-то було, а шо они сейчас кровь мешают?»

Да, ну, это действительно да. «Мы ж, - говорит, - месим сами все. Это когда-то, може, було, ну сейчас-то мы ж делаем». Ну, все равно бабушка говорит, вот здесь она у нас. (Вот здесь, где?) А мы пацанами, я ж говорю. Ну, оно безукусное, просто трава-трава. Ну, лепешки тоненькие-тоненькие. (А маме Вашей платили за то, что она мацу печет?) Я вже не знаю, платили – не платили. (Ну, нанимали?) Нанимали они, просили, може, и свободно, може. Не буду говорить, врать не буду, не знаю. Я не интересовался. Я знаю, шо пекли мацу, вот таки стопы прямо. (Стопы от земли?) Да, ото, блин, евреи забирают же, дома едят, угощают своих детей.

1:29:00

(А где пекли эту мацу? Мать Ваша у вас дома или в каком-то помещении?) У их, у их помещении. От где у нас был клуб, и там помещение, где они пекли. Вот, не дома. Они знали где, в помещении, не дома. Там же они сами находились, присматривались за русскими, как печуть, все. Все пекли у печках. (Ну, ведь религиозная жизнь преследовалась во время Советского Союза, как-то прятались евреи? Вот, не разрешалось им это делать, там, праздновать какие-то праздники религиозные, отмечать праздники?) Кому? (Еврейам). Шо, русским? (Еврейам!) Еврейам? (Да, преследовали власти или нет?) Ну, никто никого. Ни русский их не преследовал, ни они. Этого не было. Преследия не было, не, насчет праздников, нет, такого не было.

1:30:00

Преследствия никакого не было. (Ага, а свинину они ели?) Свинину? Вот держать держали, продали, а вот кушать не кушали. Как и татары. Татары держали чучка, а кушать... А большинство татар даже и не держали у деревне, не разрешали. Вот тут татарска Аманша, русская Аманша был, жило три семьи русских и держали чучка. (А что такое чучок?) Чучка? Это свинья, по-ихнему чучка. (А, по-татарски чучка?) Да, по-татарски. (Так, и что?) Так вот они ему сказали: «Григорий, ты чучка держишь, на улица не выпускай. Если на улица выпустишь, мы будем пускать собака, - а у них, у татар, у

каждого такие собаки были. – Будем пускать собака, собака будет разрывать. Держи, мы не запрещаем, но на улица не выпускай, шоб мы не видел». Да.

1:31:00

(А евреи не ели, да?) Евреи держали, а кушать не кушали. Токи на продажу, на город. (А почему не ели, не знаете?) Тоже что-то есть у них. Ну, не кушали евреи, нет. Шо татары, шо евреи. Татары даже и не держали, и не держали. А евреи держали, и не по одному, по два, по три. Денежки считали, а кушать не кушали. Курочку они кушали, уточку. (Курочку?) Да, вот это да. Яичко у них на завтрак, всегда по яичку, кусочек селедочки, вот. Это, чай у их. (К чаю, да?) Да, к чаю обязательно, это к завтраку обязательно. (А Вы помните, были ли верующие евреи, молились ли они?) Не знаю, не интересовался я, даже не буду брехать.

1:32:00

(Таких стариков не помните?) Не интересовался. Это я, когда учился на тракториста, ну и агрономист там преподають. Ну, от агрономша говорить: «Вот, вы учитесь, да, вот расскажите, какое растение вредно для пшеницы, кукурузы, для нашей продукции?» - «Ну шо, перей, шо-шо». А я говорю, подымаю руку: «Я, - говорю, - знаю, какое растение вредное. Его выкопай, выброси, оно полежало, засохло, дождь пошел, оно принялось и опять растет». – «А шо за растение?» - «Я, - говорю, - по-нашему называют перей, а по-татарски называют чучкарь». Все засмеялись, захлопали: «Как чучкарь?» - «А по-нашему, говорю, перей». Вот оно, вон. А по-ихнему они действительно назвали. Он иди, глянь.

1:33:00

Это действительно чучкарь. (А!) О! Перей мы называем. Смотри, под фундаментом и лезет. (И лезет, да). Так вот татары дураки. И он очень вредный. Вот, я не успеваю вырывать руками. Он под фундамент, вот, пожалуйста, о! И лезет. Вот татары его назвали. Я говорю: «Татары называют это не перей, а чучкарь». Все захлопали, тот: «Да-да, правда-правда, ну, токи не чучкарь, а перей». – «Ну, это, - говорю, - по-нашему, а по-татарски, -

говору, - вот так». Вот оно засохло, вот лежит, но мочится, пускает корень и растет. Вот татары и называют его чучкарь. Как свинья роет носом, так вот это и он. Понятно? (Понятно). Понятно? (Теперь да, почему так называется). Вот. Свинья-то роет, роет. От, смотри, смотри!

1:34:00

Вот видишь, чучкарь. Понимаешь? Вот это ж он под фундамент лезет. Теперь поняла? (Поняла-поняла, да, поняла). От и чучкарь. Свинья носом роет, вот так и этот перей. (А еще вот такой вопрос, а чем занимались до войны в вашем колхозе?) Колхоз? (Да. Что выращивали? Скот или?..) Пшеницу, ячмень, кукурузу, картошка, капуста. Шо було, все занимались. У нас в колхозе був мощный виноград, виноград был, хороший, богатый. Вот это основное, был колхоз этим богатый. Своя винодельня была в колхозе большая, вино душили. Нам на трудодни давали вино, денег нету – вино. Я помню, дядька покойный:

1:35:00

«Целую давай, Ванька, тачку, бочку, поедем за вином». Приехали, 150 литров бочка, покатали, на бричку, повезли домой. (150 литров! Хорошо!) Как вода! Да.

С.И. У нас здесь была бочка - 250. (250!)

И.Н. А дома виноград хороший был, я по 300 литров надушувал вина, пропало. (А как с водой было у вас?) А? (С водой как было на участке?) С водой плохо! Ну, вот это ж барабаном качали воду. У нас была насосна, в каждой деревне была, скважины. Но у нас в 40м году появилась нефть. Пресна вода хороша была. Вот этой соленой корову даже не пили. Пришлось нам пить. Появилась нефть. Ну, мы думаем, как нефть, откуда взяли? Сразу думали. А там рядом тракторна бригада была, думаем, наверное, это шофер или тракторист ведром у басину, плавает у басини.

1:36:00

Стали сделать крышку и закрывать, и замок. Шо такое? То коровы пили воду в корыте, напускаем, а то коровы не пьют. Пригнал, она из лужи пьет,

а там не пьеть. Когда рассмотрелися, плавает жирное. Все, водокачка заставили, накачал он, замкнул, утром открыли, там пальца в три в басине масло. Нефть! Ну и все, сообщили сюда, в Ак-Шейх, Ак-Шейх – в область. Где-то через несколько время приехала комиссия, проверила, говорит, закрыть.

1:37:00

Говорит, где-то просачується жила нефти недалеко. Вот приедет наша геолоразведка, и попробуем бурить. И так як уехала, и с концами. Это ж в 40-м году, а в 41-м году войска. И он, правда, еще как обнаружили – город поливали. Огородник приходе, говоре председателю, бригадиру: «Ты знаешь, шо?» - «В чем дело?» - «Хто воды налил у басину с трактористов или горючее вылили? Смотрите, капуста вся погорела». А оно нефть. Смотри, приїхали, пішли бригадир, председатель, бабы те, шо робили на огороді, листься внизу, все сохнут, сохнут.

1:38:00

Ну, а воно вот шо. И тогда вызывал это комиссию, и она закрыла. Закрыло, все. Пропало. А виноград пропав во время войны, немцы танками переворозили, перерыл, так уже после войны толку с него и не было. А в Соколах остался сад абрикосовый мощный и виноградник мощный. Ото они багати и не въехали, в их карманы полные были. (А вот Вы помните, евреев в колхозе вашем как хоронили? Как русских или по-другому?) В нашей деревне? (Да). У нас не хоронили, а возили сюда, в 71й, тут кладбище. Сюда до евреев возили, а мы своих русских в Берюлюк возили хоронить. У нас в деревне кладбища не было.

1:39:00

А чего не было? Или то, шо деревня маленькая была, или я не знаю. Ну, факт. А евреев хоронили в этом, на 71м, в Соколах. При мене много умирало, возили туда, а наши умирали, возили. Вот я покойного деда хоронил своего в Орловке. (А как евреев хоронили?) Как евреев хоронили? (Да). Тоже гроб. (Гроб?) Да, не так, как татар, заматуют в это и ховають. (А как татар?) Татар? Татары токо полоса материии, наматуют его и все. В носилки и бегом. От

же у нас ховають. Там кладбище, там уже много похоронено. У на кладбище и ихне кладбище. Вот здесь. (Бегом бегут?) А? (Бегом бегут?) Да, человек 10-15, там их бегом несут, носилки. (Татары, да?) Да. (А чего бегут?)

1:40:00

С.И. Женщин нету, одни мужики.

И.Н. Тут хоронят. У их гроба нету.

С.И. И у них так, могилу вот выкопали, и в сторону копают.

И.Н. Ховать я ховал. У нас инженер татарин, я ще работал, его отца ховали. Подрубуют, шоб землю на него не сыпали, а у бок подрубують и... Раньше даже татары говорили, я не помню, а в их, татары говорили, садили, не ложили, а сидя. (Татар?) Да, сидя. Садять его и засыпають. А сейчас вот я сам ходил хоронить, подкопали, выкопали глубину, там метр 70 или скоко, а потом от так подрыли, положили его и досками закрыли. От так вот, и засыпали. Так шо на його вже...

1:41:00

А раньше, татары рассказывают, шо сидя татарина, а чего, часто смеются. Э, наш мула умней вашего попа. А чего умней? Гроб, ящик, забиваете, тот, а наш мула объявит подъем, схватился наш и побежал. Понятно? Сидя, схватился, говорить, и побежал. Понятно? Сидя, схватился, говорить, и побежал. А ваш покуда с гроба вылезет, и говорит, наш умней.(Это что имеется ввиду? Что покойники воскресают?) Ну, это ж да. Сейчас же и наши говорят, шо я умру, все равно когда-то воскресну. (Ааа, воскресну, да?) Так вот и они говорят, шо наш мула – бог, умней вашего. Их же сидя садовят. Як объявит, шо покойникам подъем, наш, говорит, схватився и побежав, а ваш покуда с ящика вылезет.

1:42:00

Вот в чем дело. (А что это за день будет, когда воскреснут люди?) А? (А что это за день будет, когда воскреснут все покойники). А откуда я знаю?! Иди, пойдя, спроси. (У мулы, да?) Воскрес! Никогда никто не воскреснет, дитя мое. (А евреев как хоронили? В гробу?) Евреев в гробу, это да. (Ну, чем-

то отличались от русских похорон? Или точно такие же были?) Нет, по моему, как и русских. Я видел, шо в гробу везуть, с гробом и ховають, а от вот татар несуть. Вот у нас тут же ховають. Вот через это я и видел, а так я раньше и не видел тоже. А вот тут я уже насмотрелся. И вот это в инженера отца ховали, так уже, а там хлопцы смеются, говорить, как его, Налиман, говорит:

1:43:00

«Може, сидя будем батька ховать? Нет, это давай...» Под бок копают. (То есть, в могиле еще бок копают?) Да. (Сначала делают яму, да?) Ну, яму выкопали. Так, чего вы не видели, гроб як копают? Яму? (Нет, Вы говорите, подкоп какой-то). А, это тогда вот яма выкопана, а потом подкоп вырубуют, вырубуют, покуда его можно... Замеряли, скоко, шо. Все, положили его и досками закрыли. И все, и засыпали. Так что на него земля не падает. А раньше, говорит, садили. Выкопали яму, посадили и засыпали. Так вот он говорил, шо наш умней, если объявляют, шо покойники должны воскреснуть, наш схватился, говорит, и побежал. А ваш, говорит, русский, покуда это с дерева, с ящика вылезеть, вот так. Все смешки вроде тут, а хто его знает, откуда оно взято.

1:44:00

От таки эти дела, дорогая. Много-много делов. (Да, спасибо. У Вас такая жизнь). А? (Жизнь, говорю, у Вас такая интересная и сложная. Может быть, Вы что-то пожелать нам можете). Особого хорошего ничего нету. Вот, думали, пожить хорошо, пошел на пенсию, а вот, пожалуйста, переворот. А что, это хорошо? (Ну, я почти не помню то время). А? (Я почти не помню то время, советское). Не понял? (Она говорит, что не помнит советское время). А, не помнит. А когда ты родилась? (В 84-м). А, конечно. Зато припомнишь еще, дитя. Вспомните еще, суки. А я помню хорошо его сейчас. Я пошел на пенсию...

1:45:00

Думал, пойду на пенсию, хоч поживу по-человечески, а оно нате, бух, и вот это. Разве это деньги – 400 рублей мені плотять? Пошел на базар, а на базаре мясо 25-26 рублей килограмм. За воду, вот за сотку берут 10 рублей за полив. Вот у меня... (В месяц?) Да. Вот у меня посчитали 10 соток земли. Считайте, скоко? (100 рублей). Во! Понятно? У меня стоял водомер, потом водомер поломался это года три. Приносят мені деньги, то ж все время платили мы, выкручивались как-нибудь, платили. Ну, зарплата была, я еще не на пенсии был. Ну, тогда ж это и недорого было тогда, 2-3 рубля там у месяц мы платили за воду при Союзе.

1:46:00

А сейчас, шо ты шутишь? Проносит мені 180 рублей, вот уже гривни. А я говорю: «Слухай, - иду в контору, коммунхоз, - шо это за деньги?» - «За воду». – «Как?» - «За квартал, за три месяца». Я говорю: «Платить не буду». – «Почему?» Я говорю: «У меня 10 сотых всего земли, я принесу вам книгу и покажу домовую, скоко у меня. А Вы, - говорю, - мене-то идите перемеряйте». – «Пиши заявление». Написал заявление, все, уплатил 10 рублей, пришла женщина. Пришла, перемеряла. Я говорю: «Меряй и это!» (Асфальт?) Да-да. «Меряй, - говорю, - все». – «Не, это я не буду». Ото, то, вот те куски, все померила – пять с половиной сотых полезной земли, а брали за 10.

1:47:00

Ясно? Я иду опять до начальства до ихнего. Я говорю: «Слушай, вот, замерила. Скоко тут? Пять с половиной. Я, - говорю, - платить не буду». – «Нет, уплатите». Ну, шо ты думаешь? Где я не обращался к этим, извини за выражение мудакам, разным юристам там, и ничего. Говорит: «Уплатите. Вы с момента поданного заявления будете платить за четыре с половиной сотни, а то уплатите судом, с Вас коммунхоз возьмет». И пришлось уплатить. Я говорю: «Ну, как же так? Вы же юрист, Вы тот... Посмотрите, написано, 10 сотых. Чего? Перемеряли мне – пять с половиной сотых земли, и то на сарай не засчитала». Считала, что это жилплощадь.

1:48:00

Дом и времянка, все. А сараи не считаются. Считают, это земля. Уборна там, все, это не считает. Считают, полезна земля, токи вот шо дом и времянка. Вот две с половиной сотни отбросила на дом и на времянку отбросила две сотки. А то платите. И я поставил водомер. И шо вы думаете? Я за год плачу 30-40 рублей, за год! (За год, а не за месяц). Да, они за месяц брали по 100 рублей! (Ну, правды надо добиваться). Не добьёся, дорогая, особенно... (Ну, Вы добились). Так как я добился! (Ну, сейчас платите меньше). Так я уплатил за вот эти, шо 10 сотых числилось, а фактически их-то не было. (Ну, да). Я добился то, шо у меня действительно четыре с половиной сотки земли всего полезной.

1:49:00

(Ну, а вот Вы цветами сами занимаетесь, да?) Да. Жена была, покойна, она занималась, я помогал ей. А теперь я занимаюсь. Я поставил водомер, все. Я начальнику говорил: «Идите, - говорю, - поставьте мне водомер». А он мне говорит: «Плати 90 рублей». Я говорю: «За шо?» - «За то, шо мы свозим в Евпаторию, проверим водомер». Я купил на базаре водомер у частников, 150 рублей. «За то, шо мы его там повезем, проверим, уплатим и установим тебе – 90 рублей». Я говорю: «Сам установлю. Я, - говорю, – насчет этого дела, - говорю, - тот, мастер». – «Нет, ты не имеешь права». Хорошо, устретил я одного мужика.

1:50:00

Он тоже пошел до них, они ему сказали, вот так и так. Он поехал в Евпаторию, заплатил 7,50 туда за автобус и назад 7,50 – 15 рублей. И 16 рублей заплатил, шо там проверили водомер – 32 рубля. Приезжае до их, говорит: «Вот, смотрите. Я, - говорит, - съездил, а вы, говорит, - с меня 90 рублей хотели взять. Теперь, - говорит, - идите и поставьте». (Звонит тут у меня, я просто забыла выключить). А они говорят: «Нет, ставить мы не будем, плати, будем ставить». А он говорит: «Я сам поставлю». – «А ты не имеешь права сам ставить». – «Ну как так? Свой водомер, я не имею права?»

- «До магистрали, это государственная магистраль». – «А я, - говорит, - не до магистрали, я поставлю вот здесь».

1:51:00

А магистраль-то там центральна идет, мы не имеем права лезть. Все. Вот так и я пошел. Он мені сказав, взять и съездить в Евпаторию. Тоже самое – уплатил 32 рубля, и прихожу к йому, говорю: «Смотри, а ты сказал, 90 рублей». – «Так у нас же транспорт, горючее, сюда - туда. Это он все наматует». А я говорю: «А устанавливать?» Он шо-то мені сказав, чи 60 рублей, чи шо. Я говорю: «Нет, я установлю сам». Они: «Ты не имеешь права». А я говорю: «Нет, поставлю сам. А если не устраивает, приди, - говорю». Пришел ихний инженер, я говорю: «Вот где я буду ставить водомер, но не там». И все. Я говорю: «Уходи!» И я поставил водомер. Я ж тебе говорил, шас 30-40 рублей за год, а они шо делают? (Ну, да. Так, видите, какой Вы молодец! Добились, да). Вот какая обдираловка. (Да, но ничего, преодолели).

1:52:00

Да, это все Кучма, Кучма не... Тогда этот, як його, шо був секретарем первым у их? (Кравчук?) Сережка! Придурок, вот забыл я фамилию.

С.И. Кравчук.

И.Н. Как он сказал? (Кравчук). О! Кравчук, мудака он, блядь, извини за выражение. Вот это, шо он, Шушкевич, Ельцин и Горбачев, вот это, блядь, взять и повесить на одной гилке всех. Вот это они все сделали. А Дагестана, Киргизстан, тот отказался. Они ж когда поехали договариваться, шоб разорвать Союз, а этот отказался, Киргизстан. Говорит: «Я с вами не поеду, я как жил при Союзе, так и буду жить».

1:53:00

И не схотел. А эти поехали все, и всё. И приехали, объявили: «Нет Советского Союза!» И шо они сделали? Скоко уже прошло? 15 лет? (Да). Да? Вот. Шо они сделали хорошего? Ничего абсолютно. Смотри, какие богатые были и колхозы. Это уму не постижимо! Вот я знаю, я работал в РЭСе, я все

время на колесах ездил, в РЭСе машины. В каждом колхозе я знал, скоко коров, потому шо мы обслуживали коровники, поилки там, все электричество. По тысяче голов коров было! По четыре ряда коровник, вот так 50-100 метров длиною, вот считай, четыре ряда у коровнику с коров. Развалили коровники, и коров нету.

1:54:00

Куда дели мясо? Вот шо сделали государство. Два совхоза у нас. Вот Ковыльное, называется Раздольненский совхоз, и совхоз Славный герой соцтруда, директор совхоза Гаврилов. У його 50 тысяч овец в совхозе було, а в этому где-то тоже коло 50-ти тысяч. Где они? А это все выращивал народ, все копил. Вот до чего сделала Украина, самолюбие!